

Методологические проблемы оценки продовольственной безопасности России: преодоление «ловушки средних показателей» и диагностика уязвимостей

**Рустам Раулевич
ГУМЕРОВ**

Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
e-mail: gumerovrr@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1057-9434

Аннотация. Статья посвящена теоретическому обоснованию и верификации оптимизированной системы национальных индикаторов продовольственной безопасности Российской Федерации в условиях нарастающих геоэкономических и логистических рисков. Цель работы — преодоление методологических тупиков избыточных нормативных перечней оценочных показателей посредством формирования компактного открытого перечня индикаторов для оперативной диагностики рисков продовольственной безопасности. В качестве теоретического базиса автором разработана циклическая модель продовольственной безопасности («матрешка»), описывающая непрерывную трансформацию структуры предложения под влиянием меняющихся моделей потребления. Эмпирическую основу исследования составил статистический анализ данных Росстата в разрезе децильных групп населения за 2020–2024 гг. с применением коэффициента Энгеля и децильного коэффициента расходов. Вскрыты глубокие структурные дисбалансы между макроуровнем самообеспеченности страны и микроуровнем экономической доступности продовольствия. Доказано, что вынужденное расходование первой децильной группой более 50% бюджета на питание приводит к парадоксальному качественному ухудшению рациона из-за перехода на дешевые калорийные суррогаты. Разработана и апробирована матричная группировка населения по уровню благосостояния на основе доли продовольственных расходов, зафиксировавшая поляризацию общества: переход десятой группы в категорию «богатого

Для цитирования: Гумеров Р.Р. (2026). Методологические проблемы оценки продовольственной безопасности России: преодоление «ловушки средних показателей» и диагностика уязвимостей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 19. № 4. С. 47–66. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.3

For citation: Gumerov R.R. (2026). Methodological problems in assessing Russia's food security: Overcoming the "average metrics trap" and diagnosing vulnerabilities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 19(4), 47–66. DOI: 10.15838/esc.2026.4.106.3

общества» при стагнации первой группы в зоне низкого уровня. Обоснована критическая роль агфляции как сквозного фактора разгона общей инфляции. Доказана необходимость создания Ситуационного аналитического центра мониторинга агфляции при Правительстве РФ для превентивного межведомственного моделирования товарных балансов. Переход к разработанной автором компактной системе из трех-пяти ключевых индикаторов по каждому измерению продовольственной безопасности (наличие, доступность, использование, стабильность) позволит разгрузить органы государственной статистики и преодолеть регуляторную перегруженность. Предложенный оптимизированный перечень показателей обеспечивает высокую оперативность и точность принятия управленческих решений, критически необходимых для защиты технологического и финансового суверенитета государства.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, агфляция, экономическая доступность, децильные группы, закон Энгеля, ловушка средних показателей, уровень жизни, импортозамещение, Ситуационный центр.

Введение

Обеспечение продовольственной безопасности (ПБ) в современных геоэкономических реалиях выходит далеко за рамки чисто аграрного или технологического дискурса, превращаясь в один из центральных элементов обеспечения технологического и финансового суверенитета государства. Трансформация глобальных логистических цепочек, беспрецедентное санкционное давление, волатильность мировых рынков сырья и нарастающие климатические аномалии актуализируют необходимость непрерывного мониторинга уязвимостей национальных продовольственных систем.

Научная проблема исследования обусловлена методологическим несовершенством действующей системы мониторинга Доктрины ПБ РФ, которая за счет преобладания валовых макроэкономических показателей не позволяет своевременно идентифицировать латентные структурные угрозы как в сфере экономической доступности продовольствия для полярных групп населения, так и на уровне материально-технического контура агропромышленного комплекса (АПК).

Цель работы — теоретическое обоснование и верификация аналитического инструментария (открытого перечня индикаторов) продовольственной безопасности Российской Федерации, ориентированного на превентивное выявление латентных структурных угроз и уязвимостей.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

— синхронизировать отечественные подходы к оценке продовольственной безопасности

с базовыми измерениями концепции ФАО (наличие, доступность, использование, стабильность);

— преодолеть «ловушку средних показателей» за счет интеграции дифференцированного анализа бюджетов домашних хозяйств в разрезе децильных групп;

— отразить уникальную специфику социально-экономического расслоения и технологического контура национальной продовольственной системы, включая риски агфляции и вторичной импортозависимости.

Под технологическим контуром продовольственной системы в рамках данного исследования понимается критически важный срез материально-технической базы АПК (семенной фонд, племенное ядро, ветеринарные препараты), определяющий способность отрасли функционировать независимо от внешних санкционных и логистических шоков.

В качестве исследовательских вопросов, определяющих структуру работы, выдвинуты следующие:

— каковы ключевые дефекты существующей макроэкономической модели оценки продовольственной безопасности в РФ;

— как децильная дифференциация населения по доходам трансформирует реальную картину экономической доступности продуктов питания;

— в каких элементах отечественного АПК парадокс импортозамещения создает риски вторичной технологической зависимости?

Авторская гипотеза исследования состоит в предположении о том, что применение разра-

ботанной модели «матрешки» и ее циклической модификации позволяет осуществить декомпозицию национальной системы мониторинга на компактные наборы индикаторов (по 3–5 параметров для каждого измерения ФАО) и за счет этого увязать макроэкономические параметры рынка с микроэкономическим уровнем потребления населения, преодолеть «ловушку средних показателей» и превентивно диагностировать скрытые социальные и технологические риски суверенитета государства.

Что мы оцениваем? Термины и смыслы

Продовольственная безопасность — сложный, многокомпонентный феномен, обладающий множеством характеристик, что усложняет его точную идентификацию. Можно согласиться с мнением, что «концепция продовольственной безопасности является сложной и многофакторной, включая поведенческие, социальные, культурные, экологические и экономические факторы, чем, по всей видимости, обусловлено отсутствие терминологической согласованности между исследователями» (Россинская и др., 2022). Поиск в базе данных НЭБ elibrary по запросу «„продовольственная безопасность” в названии, ключевых словах и аннотации научной статьи в журнале» выдает более 5000 статей, опубликованных только в 2022–2026 гг. (по состоянию на 19 июня 2026 года).

Родовым признаком продовольственной безопасности как особого феномена является безопасность как таковая, а именно: а) текущее состояние защищенности личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз и б) способность объекта защищенности противостоять внутренним и внешним угрозам и разрушающим воздействиям без утраты качественных характеристик¹. Соответствующий понятийный аппарат имеет тесную коннотацию с рисками и угрозами национальным интересам в различных сферах, а также с мерами по их нейтрализации и устранению.

Продовольственная безопасность как один из видов безопасности означает защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства в специфической сфере продовольственного обеспечения населения; ее объектом являются продовольственные системы² разного уровня, от национального до местного.

Предметная область продовольственной безопасности представляет собой зону пересечения проблематики трех самостоятельных концепций: всеобщего права на адекватное питание, национальной безопасности и устойчивого развития. Она развивает, детализирует и интегрирует в единое целое отдельные элементы названных концепций, непосредственно связанные с развитием продовольственных систем (рис. 1).

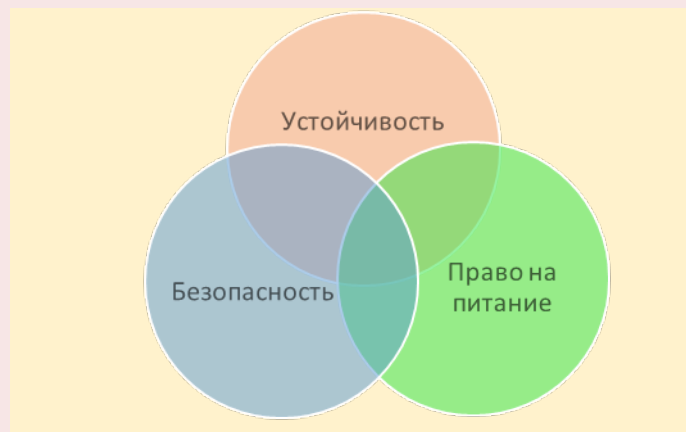
Содержательная многозначность понятия ПБ косвенно подтверждается полисемией аутентичного термина *food security*: безопасность, обеспечение, уверенность (Гумеров, 2013). В русском переводе эта полисемия отсутствует, а в отечественном научном и правовом дискурсе безальтернативно доминирует закрепленный в нормативных актах термин «продовольственная безопасность». К сожалению, лингвистические ограничения не позволяют в полной мере отразить суть ПБ на разных уровнях проявления: если макроструктурные и геополитические аспекты ПБ традиционно — и вполне справедливо — описываются дефиницией «безопасность», то на уровне отдельных социальных групп и домохозяйств уместнее будет использовать категорию «обеспеченность/обеспечение» с коннотацией с правом на питание.

Стержень концепции продовольственной безопасности составляет всеобщее право на питание. Римская Декларация о всемирной продовольственной безопасности начинается с подтверждения права каждого человека на доступ к безопасной и питательной пище в соот-

¹ См., например: Гражданская защита: Энциклопедический словарь (2015) / под общ. ред. В.А. Пучкова. МЧС России. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ). 664 с. С. 40.

² Продовольственная система охватывает все элементы (окружающую среду, людские ресурсы, факторы производства, процессы, инфраструктуру, организации и т. д.) и все виды деятельности, связанные с производством, переработкой, распределением, приготовлением и потреблением продовольствия, а также результаты такой деятельности, в том числе социально-экономические и экологические. Источник: ГЭВУ 2017. (2017). Питание и продовольственные системы: доклад Группы высокого уровня экспертов по продовольственной безопасности и питанию Комитета по всемирной продовольственной безопасности. Рим. 152 с. С. 13.

Рис. 1. Предметная область концепции продовольственной безопасности*

* Предметная область концепции ПБ представлена как область пересечения трех исходных кругов.
Источник: составлено автором.

ветствии с правом на достаточное питание и основным правом каждого человека быть свободным от голода³. Это право должно обеспечиваться безопасными для национальных интересов способами и не в ущерб устойчивому развитию «на благо будущих поколений». Также очевидно, что проблематика продовольственной безопасности семантически тесно связана с проблематикой бедности и нищеты.

Классическим определением продовольственной безопасности признается формулировка, представленная в Плане действий, принятом на Всемирной встрече на высшем уровне по проблемам продовольствия 1996 года: «Продовольственная безопасность существует, когда каждый человек в любой момент времени имеет физический и экономический доступ к достаточной по объему, безопасной и питательной пище, соответствующей его диетическим потребностям и предпочтениям для ведения активного и здорового образа жизни» (Plan of Action)⁴. Данное определение — продукт по-

следовательного переосмысления представлений мирового сообщества о продовольственной безопасности, которые постепенно эволюционировали от преимущественно технических вопросов продовольственного обеспечения (надежность поставок, объемы предложения и запасов на национальном уровне) к идее обеспечения одного из фундаментальных прав человека — права на достаточное и полноценное питание для ведения активного образа жизни на уровне семьи и отдельного индивида⁵.

В соответствии с приведенным определением выделяется четыре признака, или измерения, ПБ: 1) наличие, 2) физическая и экономическая доступность, 3) использование и 4) стабильность (Biswas et al, 2024). В последнее время структуры ФАО наряду с четырьмя традиционными измерениями продовольственной безопасности используют два дополнительных критериальных признака: субъектность (agency) и устойчивость. Эти два новых аспекта, включая их точные формулировки, официально не

³ Rome Declaration on World Food Security and World Food Summit Plan of Action (1996). FAO UN. Available at: <https://www.fao.org/4/w3613e/w3613e00.htm> (accessed: 30.07.2026).

⁴ Перевод автора. «Food security exists when all people, at all times, have physical and economic access to sufficient, safe and nutritious food to meet their dietary needs and food preferences for an active and healthy life». Available at: <https://www.fao.org/4/w3613e/w3613e00.htm> (accessed: 26.06.2025).

⁵ Эволюция термина «продовольственная безопасность» прослежена, например, в (Белугин, 2019; Болотнова, 2025); FAO Policy Brief: Food Security (2006). Issue 2. 4 p. Available at: https://www.fao.org/fileadmin/templates/faoitaly/documents/pdf/pdf_Food_Security_Cocept_Note.pdf (accessed: 30.07.2026).

одобренны ФАО, но активно продвигаются Группой экспертов высокого уровня Комитета по всемирной продовольственной безопасности⁶.

Расширение методологической рамки ФАО за счет категорий «субъектности» и «устойчивости» представляется избыточным. Первый из этих критериев смещает фокус мониторинга с физической и экономической доступности продовольствия на оценку общественно-политических институтов (право населения влиять на продовольственные системы). Включение этого фактора превращает оценку ПБ из технологичного аудита в субъективный политический рейтинг. Попытка выделить «устойчивость» в отдельное, шестое измерение избыточна. Устойчивость уже латентно присутствует в классическом критерии «стабильности» (stability) ФАО 1996 года, а также полностью покрывается глобальной концепцией Устойчивого развития (ESG / ЦУР ООН). Можно сказать, что стабильность в кратко- и среднесрочном плане гарантирует устойчивость в долгосрочном периоде. Оба критерия неоперациональны, не могут быть измерены с помощью объективных количественных индикаторов (в тоннах, калориях, денежных единицах, долях). В итоге практические задачи искоренения голода, в частности достижение ЦУР2, подменяются «ложными целями», не имеющими технологичного инструментария для количественного измерения.

О методологии оценки состояния продовольственной безопасности

Зафиксируем несколько предварительных соображений.

1. Формула «наличие у всех людей постоянного физического, социального и экономического доступа к достаточному количеству безопасной и питательной пищи» является абстрактным целевым ориентиром, ее не следует понимать буквально. Речь идет о теоретической модели, об обеспеченном государством праве на «равный и постоянный доступ к адекватному питанию» для всех групп населения, независимо от уровня доходов, имущественного и социального статуса. Естественно, в рамках различных групп населения всегда будут граждане, не получающие постоянно-

го доступа к адекватному питанию в силу той или иной жизненной ситуации. ПБ может, например, обеспечиваться на уровне семьи (домохозяйства), а не отдельно взятого индивида. Для иллюстрации этого тезиса в одной из ранних статей автор провел образную параллель между целевым состоянием ПБ и состоянием абсолютно здорового человека, которое на практике, как правило, не встречается. Однако это не означает, что больного не нужно лечить. В нашем случае «процесс лечения» заключается в определении признаков и рисков продовольственной небезопасности и выработке мер по их устранению, смягчению и/или предотвращению. В качестве отсекающего операционального критерия «абсолютного здоровья» мы можем использовать нормы потребления основных продуктов питания, принятые за стандарты потребления (научно обоснованные нормы, рациональные нормы) на данной территории на данном временном отрезке.

2. Понятие ПБ относительно хотя бы потому, что меняются сами наши представления об адекватном питании и рациональных нормах потребления. Согласно известному утверждению американского криптографа и специалиста по компьютерной безопасности Б. Шнайера, «безопасность — это процесс, а не результат». Транслируя этот тезис на ПБ, мы можем сказать, что обеспечение продовольственной безопасности есть непрерывный процесс, характеризующийся сменой тактических задач и ориентиров, механизмов их решения по мере изменения стандартов потребления и возможностей их обеспечения.

3. Согласно своей полиморфной природе ПБ имеет несколько самостоятельных уровней проявления, соответственно, контроля, оценки и управленческого воздействия: глобальный, национальный, субнациональный, групповой (домохозяйства) и индивидуальный. Возможны ситуации, когда целевые установки разных уровней ПБ входят в неантагонистическое противоречие друг с другом. Например, протекционистская политика (национальный уровень) может временно ограничить товарное разнообразие или повысить цены для отдельной семьи или индивида (микроуровень).

⁶ ГЭВУ 2020 (2020). Создание глобальной концепции продовольственной безопасности и питания на период до 2030 года: доклад Группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности. Рим. 91 с. С. 7.

Принято визуализировать измерения ПБ как четыре ее равноценных «опоры/столба» (pillar) (Clapp et al., 2022, p. 1; El Bilali et al., 2018). В определенном смысле это так и есть: отсутствие любого из этих признаков должно расцениваться как отсутствие продовольственной безопасности, или состояние продовольственной небезопасности в строгом смысле этих понятий. Однако такая визуализация не дает полного понимания взаимосвязей и взаимозависимостей этих измерений ПБ; более удачной аналогией является представление о четырех измерениях как о своеобразной «матрешке» (рис. 2), в которой каждая из вложенных «кукол» меньше предыдущей — от стадии производства (наличие) через стадии распределения (доступность) и использования к самой маленькой «кукле» стабильности (оценки уязвимости и рисков продовольственной небезопасности).

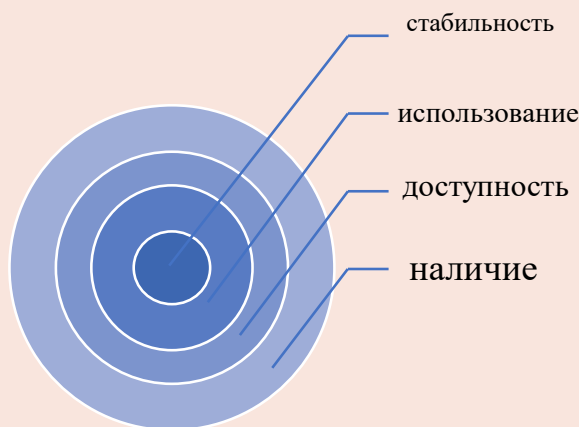
Модель «матрешки» позволяет частично снять справедливое замечание Я. Паппэ и соавторов в отношении критериев ПБ, сформулированных в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации: «...если в определении некоторого понятия используются два или более рядоположенных и равноприоритетных тезиса без предварительного анализа соотношений между ними (совместимости, соподчиненности и т. д.), это сразу вызывает обоснованные сомнения в методологической корректности. Тем более когда эти тезисы каса-

ются принципиально различных объектов или субъектов» (Паппэ и др., 2017).

Модель наглядно иллюстрирует соподчиненность измерений продовольственной безопасности и соответствующий вектор поочередной оценки ее индикаторов: от фундаментальных показателей наличия продовольствия до показателей стабильности национальных систем; каждое последующее измерение фиксирует «узкие места» национальных продовольственных систем в обеспечении ПБ. «Матрешка» также позволяет дифференцировать уровни оценки ПБ: оценка на национальном (наличие) уровне, уровне домохозяйства (доступность) или отдельного индивида (использование).

Однако формат «матрешки» не дает представления о циклической природе ПБ. Возвращаясь к одному из выводов, сформулированных выше: обеспечение продовольственной безопасности есть не результат, а непрерывный процесс, поскольку понятие достаточности продовольствия субъективно и относительно. Самой очевидной иллюстрацией циклической природы ПБ является смена моделей потребления, когда население в меру роста продовольственных ресурсов, доходов, реализации мер государственной поддержки продовольственных систем начинает предъявлять новые, более высокие требования к наличию, доступу и использованию качественного и разнообразного продовольствия. Для характеристики различных моделей потребления как меры ПБ Ю.М. Ксенофонов

Рис. 2. «Матрешка» продовольственной безопасности

Источник: составлено автором.

и соавторы ввели специальный термин «продовольственное благополучие» (Ксенофонтов и др., 2018, с. 128). Переход от статичной «матрешки» к циклической модели динамично развивающихся потребностей снимает это противоречие (рис. 3). Постепенное уменьшение диаметров кругов от «наличия» к «стабильности» действительно передает идею сужения и фильтрации элементов ПБ, а также соподчиненность ее уровней: от макроуровня (наличие) к микроуровню индивидуального потребления.

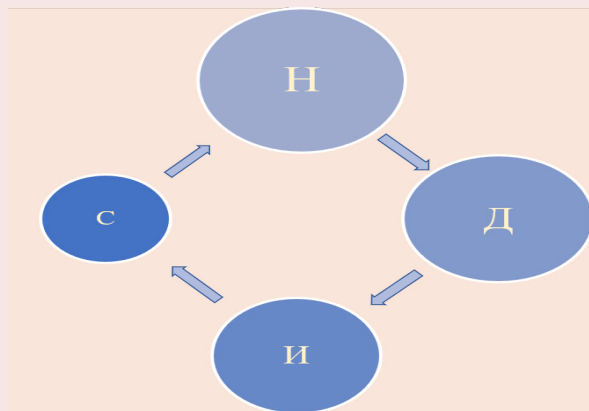
Циклическая модель также наглядно иллюстрирует действие механизмов обратной связи. Прохождение продовольствием всей цепочки от производства до конечного усвоения организмом вскрывает новые общественные потребности, которые заставляют перестраивать структуру предложения на следующем витке цикла, выступая реакцией на накопленные изменения на уровнях доступности, использования и общей стабильности системы⁷.

Обоснование и оценка набора национальных индикаторов ПБ Российской Федерации. Методологические «тупики» и «развилки»

Международные индикаторы

В 2015 году в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года ООН началась реализация семнадцати целей в области устойчивого развития (ЦУР). Цель 2 «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, а также содействие устойчивому развитию сельского хозяйства» (End hunger, achieve food security and improved nutrition and promote sustainable agriculture) непосредственно направлена на ликвидацию голода и неполноценного питания во всех его проявлениях к 2030 году. Мониторинг реализации цели проводится по тринадцати индикаторам, сгруппированным по восьми задачам⁸. Российский национальный набор индикаторов ЦУР2 включает в себя пять показателей, отнесенных к четырем задачам⁹.

Рис. 3. Циклическая модель «матрешки» ПБ, где: Н – наличие, Д – доступность, И – использование, С – стабильность

Источник: составлено автором.

⁷ Наиболее наглядно эти процессы прослеживаются на примере КНР, где сдвиги в структуре продовольствия были обусловлены стремительной урбанизацией, формированием многочисленного среднего класса и общим ростом доходов населения. За последние десятилетия продовольственная корзина КНР претерпела фундаментальную трансформацию: страна перешла от традиционной диеты, основанной на углеводах (рис и зерновые), к западному типу потребления с высокой долей белков, жиров и переработанных продуктов. При этом также наблюдались увеличение доли потребления говядины и мяса птицы в общем потреблении мяса, скачкообразный рост потребления яиц, молока, морепродуктов (Zhu, 2026; Sun et al., 2024; Gale, Dong, 2023).

⁸ Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%20refinement_Rus.pdf (дата обращения: 21.06.2026).

⁹ Национальный перечень показателей ЦУР. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/NPP_ZUR-2026.xlsx (дата обращения 21.06.2026).

Глобальный индекс продовольственной безопасности (GFSI), который разрабатывается группой Economist, оценивает наличие, доступность, качество и безопасность продовольствия, а также устойчивость и адаптацию по 68 индикаторам. Последние, по утверждению разработчиков, измеряют факторы, влияющие на продовольственную безопасность как в развивающихся, так и в развитых странах¹⁰.

Специфика этих перечней заключается в их неполном соответствии четырем измерениям ПБ в общепринятой концепции ООН/ФАО. Соответствующий набор показателей, полностью гармонизированный с четырьмя измерениями, впервые был предложен в совместном докладе «Положение дел в связи с отсутствием продовольственной безопасности в мире — 2014. Улучшение благоприятной среды для продовольственной безопасности и питания»¹¹. Перечень состоит из 31 индикатора, включая 5 индикаторов наличия, 9 индикаторов доступности (в том числе 3 — физической доступности), 10 — использования и 7 — стабильности.

Все упомянутые перечни представляют собой унифицированные наборы наиболее общих показателей, предназначенных для оценки ПБ как в развивающихся, так и в развитых странах. При этом перечень ФАО, что вполне естественно, больше акцентирован на оценке состояния ПБ в развивающихся странах, и значительное число индикаторов неактуально для развитых стран Европы и Северной Америки. Это относится, в частности, к высокой доле показателей использования и присутствию в их составе таких показателей, как «доступ к улучшенным источникам водоснабжения», «доступ к улучшенным санитарно-техническим сооружениям», «процентная доля детей в возрасте до пяти лет,

страдающих от истощения», «процентная доля взрослого населения, имеющего пониженную массу тела». Такая же приоритизация показателей ПБ характерна для индикаторов достижения ЦУР2. Что касается частных показателей GFSI, то они максимально унифицированы, сфокусированы на межстрановых сравнениях (индексировании и ранжировании), а потому слабо учитывают страновую специфику состояния ПБ «здесь и сейчас». Безусловно, для ряда регионов РФ показатели инфраструктурного доступа к водоснабжению остаются актуальными, однако в рамках построения компактной общенациональной модели оперативной диагностики рисков они не могут быть признаны сквозными лимитирующими факторами.

Индикаторы Доктрины продовольственной безопасности РФ. Перегруженность действующего нормативного контура Доктрины ПБ РФ, отмеченная выше, диктует необходимость смены аналитической парадигмы¹². Национальный перечень индикаторов методологически должен строиться на сочетании универсальных подходов к идентификации ПБ с оперативным анализом специфической продовольственной ситуации в стране «здесь и сейчас». В связи с этим предлагаемые нами показатели были жестко структурированы по четырем классическим измерениям ФАО.

Авторская позиция состоит в том, что число индикаторов национального перечня по каждому измерению должно находиться в коридоре от трех до пяти. Ограничение аналитического контура рамками 3–5 ключевых индикаторов по каждому из четырех измерений концепции ФАО продиктовано требованиями управленческой эргономики (триангуляция, закон Миллера), позволяющими оперативно выявлять угро-

¹⁰ Global Food Security Index 2022 (2022). The Economist Group. 29 p. Available at: https://impact.economist.com/sustainability/project/food-security-index/resources/Economist_Impact_GFSI_2022_Global_Report_Sep_2022.pdf (accessed: 30.07.2026).

¹¹ ФАО, МФСР, ВПП (2014). Положение дел в связи с отсутствием продовольственной безопасности в мире — 2014. Улучшение благоприятной среды для продовольственной безопасности и питания. Рим. ФАО. 58 с. С. 54. URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/3647342f-9f40-4bb7-94a2-996e8fe80d67/content> (дата обращения: 30.07.2026).

¹² Нормативный перечень показателей для оценки ПБ Российской Федерации, разработанный в развитие Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, изложен на 27 страницах. Представленные в перечне показатели условно можно разбить на следующие подгруппы, имеющие разную релевантность в отношении собственно ПБ: макроэкономические показатели; показатели собственно ПБ; показатели, характеризующие факторы и риски обеспечения ПБ. См. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 февраля 2021 года № 296-р «Об утверждении перечня показателей в сфере обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации».

зы без избыточной перегрузки аналитической системы. Приоритет в оценке отдается индикаторам, в сжатые сроки выявляющим проблемные точки. В качестве качественных критериев отбора совместно использовались:

- релевантность показателей по отношению к четырем базовым измерениям продовольственной безопасности (наличие, доступность, использование, стабильность);

- регулярная сквозная наблюдаемость, предполагающая опору на непрерывные ряды официальных данных Росстата либо простейшие расчеты на их основе, что исключает экспертный субъективизм и обеспечивает проверяемость результатов;

- логическая репрезентативность, основанная на эвристических методах анализа, включая SWOT-метрики (для фиксации сильных/слабых сторон контура АПК), абдукцию (как метод поиска наилучшего объяснения скрытых причин латентных рисков) и теорию изменений (Theory of Change) для моделирования цепочек причинно-следственных связей.

По сути, через предлагаемую систему показателей диагностируются риски продовольственной небезопасности. *Таблица 1* консолидирует показатели, которые либо содержатся в официальных базах данных, либо требуют минимальных расчетов на их основе. Данная система преимущественно предназначена не для получения слепок, или «моментального снимка» ПБ, а для оценки проблемных зон, трендов и рисков в целях последующего принятия управленческих решений. Ввиду ограниченности объема статьи акцент далее делается на показателях и критериях, представляющих наибольший теоретико-практический интерес.

Наличие. В системе балансовых показателей продовольственных ресурсов критериями безопасности являются: 1) неснижение годовых совокупных объемов располагаемых продовольственных ресурсов (производство, импорт, сальдо запасов) и 2) соблюдение порогового от-

ношения запасов зерновых на конец года к объемам их совокупного потребления в следующем году. Второй индикатор является эмуляцией индикатора «stock-to-use ratio», используемого экспертами ФАО для оценки глобальной ПБ. Соотношение в 17–18%, по оценкам, является минимально необходимым для обеспечения мировой продовольственной безопасности¹³.

К сожалению, мы вынуждены ограничить горизонт анализа продуктовых балансов 2021 годом, поскольку в дальнейшем Росстат прекратил их официальную публикацию¹⁴. Поэтому в рамках данной работы соответствующие выводы имеют больше иллюстративный, нежели доказательный характер. В период 2017–2021 гг. по большинству видов продукции критерий неснижаемости ресурсов соблюдался. Исключение составили картофель и овощи (снижение как тенденция), а также зерно (неустойчивая динамика). Реальную озабоченность может вызывать только снижение ресурсов овощей и продовольственных бахчевых культур, по которым наблюдается дефицит потребления. В данной работе классический показатель stock-to-use ratio модифицирован автором в «коэффициент промежуточной (зимней) обеспеченности запасами». Он рассчитан как отношение объемов зерна, находящихся на хранении на промежуточный пиковый момент (31 декабря отчетного года), к фактическому использованию в последующем календарном году. Полученные высокие значения (в диапазоне 60–70%) методологически не сопоставимы напрямую с летними переходящими остатками ФАО ООН (17–18%), однако они наглядно иллюстрируют колоссальную концентрацию продовольственных ресурсов в середине управленческого цикла и свидетельствуют о высокой степени краткосрочной ресурсной обеспеченности внутреннего рынка зерна в зимне-весенний период. Сознательное использование модифицированного показателя обусловлено, в том числе, необходимостью гармонизации данных с иными календарными показателями Росстата.

¹³ Trade Reforms and Food Security: Conceptualizing the Linkages (2002). FAO UN. Rome. P. 6. Available at: <https://www.fao.org/4/y4671e/y4671e00.htm> (accessed: 30.07.2026).

¹⁴ Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 55-ФЗ «О внесении изменения в статью 5 и приостановлении действия части 7 статьи 8 Федерального закона «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» и об особенностях осуществления официального статистического учета на территориях отдельных субъектов Российской Федерации» внес поправки, разрешающие Правительству временно приостанавливать распространение официальной статистической информации.

Таблица 1. Перечень показателей мониторинга и контроля состояния продовольственной безопасности Российской Федерации

Измерение ПБ	Индикаторы ПБ	Корреспондирующие показатели
Наличие	Балансы отдельных видов продовольственных ресурсов	Объем располагаемых продовольственных ресурсов (по отдельным товарным группам)
	Модифицированный индикатор « <i>stock-to-use ratio</i> », используемый экспертами ФАО для оценки глобальной ПБ (17–18%)	Расчет по показателям Росстата (продуктовые балансы)
	ВП сельского хозяйства в расчете на душу населения, динамика	Расчет по показателям Росстата
Доступность	Соотношение фактических расходов на приобретение продуктов питания (в разрезе децильных групп) со стоимостью минимального (условного) набора продуктов питания	Расчетный показатель по исходным показателям Росстата
	Доля затрат на приобретение продовольствия: – на душу населения в среднем; – в первой децильной группе	Показатели Росстата
	Децильный коэффициент расходов на приобретение продуктов питания (расходы первой группы по отношению к расходам десятой группы)	Расчетный показатель по исходным показателям Росстата
	Уровень умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности населения, по шкале восприятия отсутствия продовольственной безопасности, %	Позиция национального перечня показателей ЦУР. Рассчитывается по шкале восприятия отсутствия продовольственной безопасности (FIES)
	Плотность площадей торговых объектов на 1000 человек	Показатели региональной статистики
Использование	Среднедушевое потребление основных продуктов питания	Показатели Росстата
	Потребление по децильным группам	Показатели Росстата
	Децильный коэффициент душевого потребления по наиболее ценным продуктам питания (потребление первой группы по отношению к потреблению десятой группы)	Расчетный показатель по исходным показателям Росстата
	Энергетическая и питательная ценность потребляемого продовольствия, в т. ч. соотношение белков, жиров, углеводов в рационе	Показатели Росстата
Стабильность	1. Производство и потребление: – колебания валовых сборов зерна в пределах пятилетнего периода (наименьшее к среднему); – доля продукции отечественного производства в общих ресурсах основных видов сельскохозяйственного сырья и продовольствия, %, по стоимости (динамика); – уровень монополизации продовольственных рынков	Показатели Росстата и расчетные показатели по исходным показателям Росстата Методика анализа состояния конкуренции на товарном рынке ФАС позволяет проводить оценку монополизации отдельных рынков
	2. Технологии: – доля семян отечественного производства (а); – доля животных отечественной репродукции, используемых для целей сельскохозяйственного производства на территории Российской Федерации (б)	Показатель Доктрины ПБ РФ (а) Позиция национального перечня показателей ЦУР (б)
	3. Финансы: – объем государственной поддержки сельского хозяйства; – уровень агфляции	Данные Минсельхоза России и Росстата
Источник: составлено автором.		

Доступность. Статистический анализ верифицирует модель «циклической матрешки»: несмотря на то что на верхнем уровне («наличие») продовольственные ресурсы в стране в основном сформированы, на следующем уровне («доступность») объемы и экономические условия приобретения продовольствия в разных децильных группах заметно различаются.

Первую приблизительную оценку экономической доступности продовольствия дает соотношение фактических расходов населения на приобретение продуктов питания и стоимости минимального (условного) набора продуктов питания (ФР/СН) не только в целом для населения страны, но и в разрезе децильных групп¹⁵. Как видно из *таблицы 2*, в период 2020–2024 гг. первая децильная группа населения страны находилась в условной зоне абсолютного неблагополучия; расходы на приобретение продуктов питания в ней были ниже стоимости условного набора. Вторая группа находилась в условной зоне уязвимости (повышенного риска), или относительного неблагополучия, периодически «проваливаясь» в зону абсолютного неблагополучия: фактические расходы на приобретение питания в этой группе очень незначительно превышали

стоимость минимального набора (2020, 2023, 2024 гг.) либо были ниже (2021, 2022 гг.).

Ограниченность показателя ФР/СН заключается в том, что он носит условный характер и не учитывает сдвигов в структуре потребления — как меж-, так и внутригрупповых. Нюансированную картину экономической доступности продовольствия для различных групп российского населения можно получить, исследуя долю их расходов на приобретение продовольствия в общих расходах на потребление.

В теории и практике международных отношений широко применяется принцип неделимости безопасности, означающий невозможность обеспечения собственной защищенности за счет ущемления интересов других субъектов. В рамках нашего исследования данный принцип транслируется на систему базовых потребностей человека. Продовольственная безопасность может считаться достигнутой лишь тогда, когда потребитель не просто имеет достаточно средств для приобретения желаемого набора качественных продуктов, но и использует их без ущерба для удовлетворения других своих основных материальных и духовных потребностей¹⁶. Ущемление любой из этих сфер ради выживания девальвирует общую защищенность индивида.

Таблица 2. Фактические расходы на домашнее питание по децильным группам в сравнении со среднегодовой стоимостью условного (минимального) набора продуктов питания в 2020–2024 гг., руб. в месяц

Год	Фактические расходы на приобретение продуктов питания, по децильным группам			Среднегодовая стоимость условного (минимального) набора
	1 группа	2 группа	3 группа	
2020	3263,6	4334,9	4950,0	4320,1
2021	3557,8	4681,8	5485,4	4911,7
2022	4126,3	5397,5	6330,2	5775,6
2023	4466,0	5997,8	6990,0	5788,7
2024	5075,3	6 820,0	7987,2	6495,3
Примечание: красным цветом выделены зоны абсолютного неблагополучия (расходы ниже стоимости минимального набора); желтым — зоны относительного неблагополучия/уязвимости. Источник: расчеты автора на основе данных Росстата.				

¹⁵ В состав условного (минимального) набора продуктов питания включено 33 наименования продовольственных товаров. Данные о стоимости набора определяются в расчете на одного человека в месяц. При ее расчете используются единые, установленные в целом по Российской Федерации, условные объемы потребления продуктов питания и средние потребительские цены на них по субъектам Российской Федерации («Официальная статистическая методология наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчета индексов потребительских цен», утвержденная приказом Росстата № 915 от 15 декабря 2021 г.).

¹⁶ Комитет по экономическим, социальным и культурным правам. Замечание общего порядка № 12 (1999 год): Право на достаточное питание (ст. 11). ООН. Док. E/C.12/1999/5. 12 мая 1999 г. URL: <https://docs.un.org/ru/E/C.12/1999/5> (дата обращения: 30.07.2026).

В качестве оценочного критерия экономической доступности продовольствия автор использовал шкалу уровня жизни ООН, основанную на коэффициентах Энгеля. Высокая доля расходов на питание (свыше 50%) есть иная форма продовольственной небезопасности, поскольку в данном случае приобретение продуктов питания не может осуществляться без ущерба расходам на другие основные потребности, реабилитацию и развитие. Это очень важный нюанс¹⁷.

В Российской Федерации в целом доля расходов на питание в общих расходах домашних хозяйств на потребление находится на приемлемом уровне, соответствующем формату среднего уровня развития общества и сравнительно обеспеченного населения, и в последние годы имеет слабый тренд к снижению. В предыдущие годы, напротив, отмечался рост этого показателя — с 33,2% в 2013 году до 37,0% в 2020 году. Внутри периода 2013–2020 гг. можно отметить два скачка расходов на приобретение продуктов питания — в 2014 и 2020 гг. В первом случае доля расходов увеличилась с 33,2 до 33,9% в связи с принятием ответных защитных мер в сфере внешней торговли продовольствием, во

втором рост доли с 34,6 до 37,0% был обусловлен в основном логистическими последствиями пандемии коронавирусной инфекции.

Полученные данные позволяют с определенной долей осторожности констатировать институциональный перелом в долгосрочной динамике рассматриваемого индикатора, в той мере, в какой речь идет о средних показателях. Вместе с тем развернутые статистические данные подтверждают жизнеспособность и практическую значимость разработанной нами циклической модели «матрешки» не только применительно к взаимосвязям четырех измерений ПБ, но и к анализу каждого из измерений. Методологическая ловушка «среднего благополучия» маскирует факт заметного расслоения российского населения.

Как видно из *таблицы 3*, в 2024 году в пяти группах из десяти доля расходов на питание находилась в диапазоне 40–50%, что, согласно нашей гипотезе, соответствует уровню жизни ниже среднего, а 10% населения страны (первая децильная группа) расходует на продовольствие более половины своего потребительского бюджета, что соответствует низкому уровню благосостояния. Именно на показатели этой группы,

Таблица 3. Группировка населения РФ по уровню благосостояния на основе доли расходов на продовольствие (2020 и 2024 гг.)

Шкала расходов на продукты питания, % от совокупных расходов	Интерпретация (стандарты уровня жизни)	Распределение децильных групп населения РФ по категориям	
		2020	2024
> 60	крайняя бедность		
50–60	низкий уровень, едва удовлетворены основные потребности	1 группа	1 группа
40–50	уровень ниже среднего, удовлетворены основные потребности	2, 3, 4, 5, 6, 7 группы	2, 3, 4, 5, 6 группы
30–40	средний уровень, сравнительно обеспеченное население	8, 9 группы	7, 8 группы
20–30	уровень выше среднего, обеспеченное общество	10 группа	9 группа
< 20	высокий уровень, богатое общество		10 группа
Источник: данные Росстата.			

¹⁷ В последнее время появлялись публикации, в которых утверждалось, что значительная часть продовольствия: мясо, сахар, яйца, масло — стала доступней в сравнении с советским периодом на том основании, что изменились соотношения средней заработной платы россиян и цен на эти продукты. В частности, такой вывод сделали опрошенные эксперты по итогам проведенного специально для ТАСС анализа. См.: «Цена/доход»: как изменилась доступность продуктов в России по сравнению с СССР. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26443829> (дата обращения: 06.07.2026). Это большая методологическая ошибка, приводящая к неверным практическим выводам. Доказанным можно считать лишь тот факт, что изменились названные соотношения. Такая оценка не учитывает, что одновременно возросли тарифы ЖКХ и проезд на общественном транспорте, многие другие виды расходов, которые «оттягивают» на себя заметную часть расходов современных российских домохозяйств в сравнении с советским периодом. Не говоря уже о том, что неправомерно оценивать доступность продовольствия для российского населения по средней заработной плате.

а не на средние показатели, в первую очередь должен быть направлен мониторинг и контроль ПБ (контроль лимитирующего звена).

Предложенный автором децильный коэффициент по расходам на питание в последние годы колеблется в диапазоне 3,08–3,27 (рис. 4). Децильный коэффициент расходов на питание K_{rp} рассчитывается по формуле:

$$K_{rp} = P_{10} / P_1,$$

где

K_{rp} — децильный коэффициент расходов на питание,

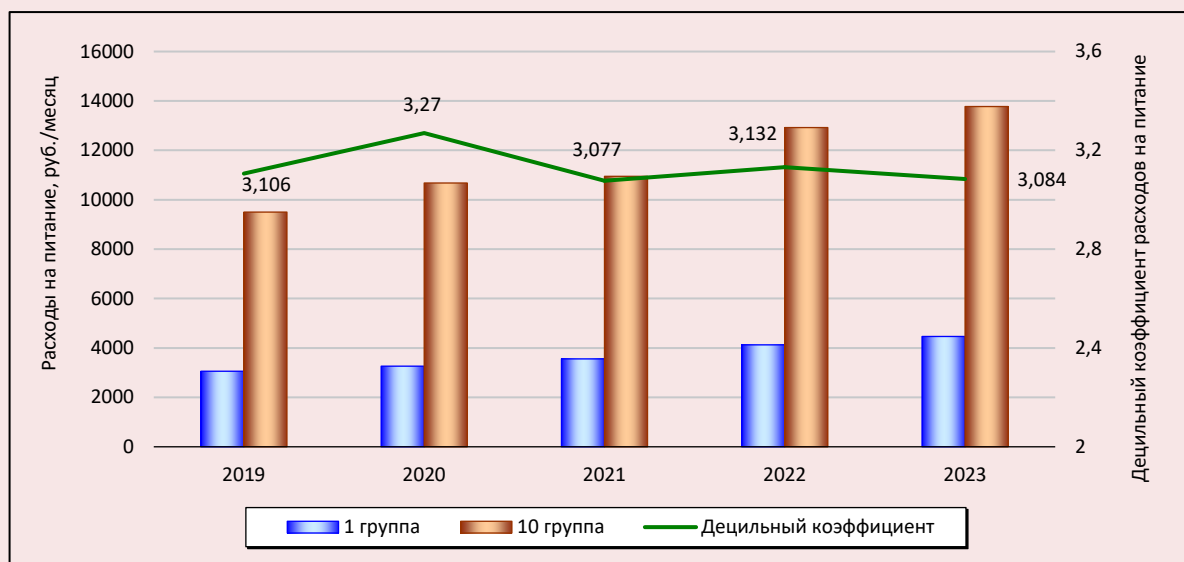
P_{10}, P_1 — ежемесячные расходы на питание в десятой и первой децильных группах соответственно.

Флуктуации децильного коэффициента расходов на приобретение продуктов питания в пределах узкого диапазона значений могут свидетельствовать о затухающей предельной эффективности традиционных инструментов адресной поддержки малоимущих слоев населения и необходимости поиска новых форм.

В отечественной литературе довольно широкое распространение получила трактовка физической доступности продовольствия как наличия/достаточности продовольствия в соответствии с рациональными нормами потребления основных его видов (Киреева и др., 2020; Щетинина, 2024; Яшкова, 2020).

Методологическая триангуляция такой подход не подтверждает: и методика ФАО, и GFSI, и Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации в качестве критериев физической доступности используют другие индикаторы. Здесь мы имеем дело с методологическим смешением разных измерений ПБ — наличия, доступности, использования. В действительности термин «физическая доступность» имеет очевидную коннотацию с возможностью приобретения продовольствия в месте проживания, в пределах досягаемости. Группа экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности определяет физическую доступность как «физическую близость» продовольствия¹⁸.

Рис. 4. Расходы на питание первой и десятой децильных групп и децильный коэффициент расходов в 2019–2023 гг.

Источник: расчеты автора на основе данных Росстата.

¹⁸ ГЭВУ 2020 (2020). Создание глобальной концепции продовольственной безопасности и питания на период до 2030 года: доклад Группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности. Рим. 91 с. С. 90.

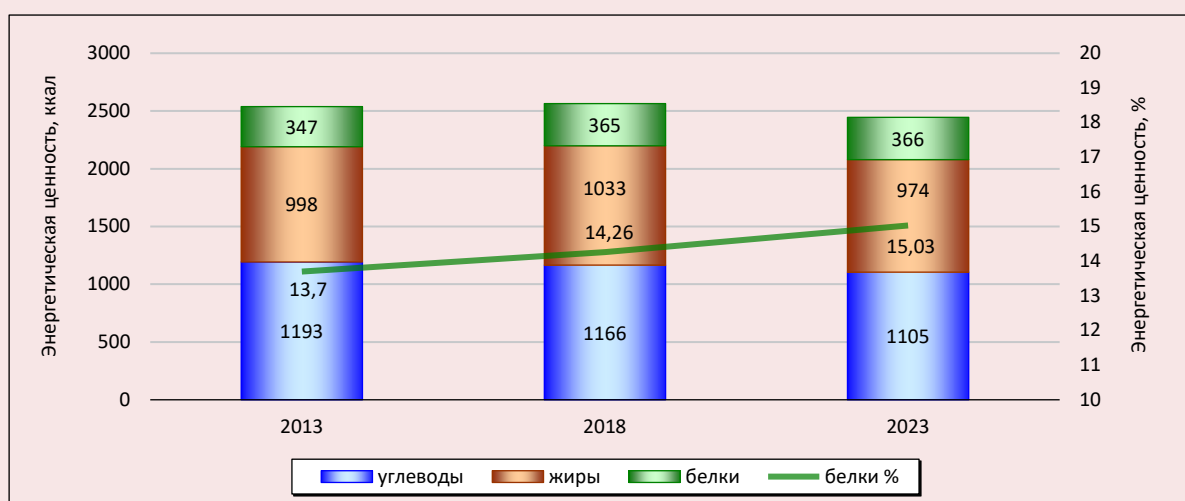
Для оценки физической доступности автор предлагает использовать достаточно нейтральный показатель Доктрины «уровень развития товаропроводящей инфраструктуры». Поскольку в соответствии с законодательством сами нормативы минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов для субъектов Российской Федерации разрабатываются уполномоченными органами исполнительной власти соответствующих субъектов Российской Федерации, им же целесообразно делегировать полномочия по мониторингу и оценке этого параметра.

Использование. Использование оценивает энергетическую ценность, сбалансированность и разнообразие рациона, его усвояемость и соответствие традициям, обычаям и представлениям о питании в специфической культурной среде.

Ретроспективный анализ энергетической и питательной ценности потребляемого продовольствия фиксирует две тенденции (рис. 5): 1) стабилизацию энергетической ценности дневного рациона среднестатистического россиянина (снижением менее 4% можно пренебречь) при 2) качественном улучшении рациона питания за счет некоторого увеличения доли килокалорий, получаемых в форме белков.

Другим показателем использования является степень соответствия рациона потребления рациональным (научно обоснованным) нормам, которая характеризует вещественно-натуральную форму, в которой происходит потребление необходимых макронутриентов (белки, жиры, углеводы), обладающих достаточной энергетической ценностью. Подчеркнем условность рациональных норм потребления. Рекомендуемые рациональные нормы Минздрава России – не что иное как научное представление (гипотеза) о наборе продуктов питания, в наибольшей степени соответствующих критериям сбалансированности, разнообразия, усвояемости при существующих допущениях и ограничениях, в первую очередь фактическом наличии и экономической доступности продовольствия. Известны исследования, где для оценки рациона использовались иные критерии: общая калорийность рациона (Pradhan et al., 2014; Kinnunen et al., 2020) либо альтернативный набор продуктов (Stehl et al., 2025). Дополнительными компонентами использования принято считать свободный доступ к чистой воде, средствам санитарии и здравоохранению, содействующих лучшему усвоению питательных веществ.

Рис. 5. Динамика пищевой и энергетической ценности суточного рациона питания лиц в возрасте 14 лет и более

Источники: данные выборочных наблюдений рациона питания населения в 2013, 2018, 2023 гг.; расчеты автора на их основе.

Объемы среднедушевого потребления всех основных продуктов питания в 2000-х гг. имели положительную динамику, тем не менее фактическое потребление овощей, фруктов и ягод, молочных продуктов заметно отстает от рекомендуемых норм Минздрава России; в меньшей степени это касается потребления рыбы. Зеркальная картина наблюдается в отношении сахара: фактическое его потребление на душу населения более чем в четыре раза превышает рекомендуемую рациональную норму. Справедливости ради отметим, что рекомендуемая норма значительно ниже исторически сложившихся стандартов потребления российского населения, она была пересмотрена в сторону значительного уменьшения в 2020 году и пока ее можно отнести к разряду нереалистичных.

Существующее неравенство в потреблении наиболее ценных продуктов питания в разрезе децильных групп (табл. 4) коррелирует с дифференциацией расходов соответствующих групп на приобретение продуктов питания.

Здесь мы вновь попадаем в ловушку средних показателей и наблюдаем некий парадокс: чем большую долю своих расходов домохозяйства направляют на приобретение продуктов питания, тем менее питательным и здоровым является их рацион.

Стабильность. Измерение стабильности (устойчивости) в системе продовольственной безопасности обладает двойственной, дуалистической природой. С одной стороны, в рамках кластерного подхода ФАО стабильность

выступает как самостоятельное, четвертое измерение ПБ, оценивающее уязвимость системы перед краткосрочными шоками и долгосрочными рисками. С другой стороны, стабильность является сквозным фактором и необходимым условием реализации всех остальных измерений – наличия, доступности и использования. Эту методологическую особенность можно сравнить с проекциями геометрического тела (например, карандаша): при взгляде с торца мы видим лишь изолированную точку (самостоятельное измерение), но при взгляде сбоку – протяженный отрезок, пронизывающий всю конструкцию «циклической матрешки» (сквозной фактор). Стабильность как «точка» измеряется конкретными маркерами, например долей продукции отечественного производства в общих ресурсах основных видов сельскохозяйственного сырья и продовольствия или колебаниями валовых сборов зерна в пределах пятилетнего периода. В то же время стабильность как «отрезок» определяет, насколько устойчивы во времени экономическая доступность для децильных групп, физическая бесперебойность поставок в торговые сети или сбалансированность рациона питания.

В данном исследовании хотелось бы акцентировать внимание на двух базовых показателях стабильности: доле семян отечественной селекции (технологическая устойчивость продовольственной системы как выражение технологического суверенитета) и уровне агфляции (финансовая устойчивость как выражение финансового суверенитета).

Таблица 4. Потребление продуктов питания по децильным (десятипроцентным) группам населения в 2023 году

Потребление основных продуктов питания, в среднем на потребителя в год, кг	Первая группа	Вторая группа	Четвертая группа	Седьмая группа	Десятая группа
хлебные продукты	75,1	82,4	87,3	89,0	86,0
картофель	46,2	52,7	55,8	55,9	51,9
овощи и бахчевые	68,7	86,9	101,3	116,7	129,6
фрукты и ягоды	39,1	51,2	63,9	77,7	104,1
мясо и мясопродукты	63,9	80,1	91,9	105,9	117,5
молоко и молочные продукты	169,7	212,9	249,3	274,7	321,6
яйца, шт.	171	204	225	241	288
рыба и рыбопродукты	13,8	17,0	20,2	23,1	33,2
сахар и кондитерские изделия	22,3	26,3	28,5	30,9	29,8
масло растительное и другие жиры	7,7	8,8	9,6	9,3	9,3

Источник: данные Росстата.

Ранее (Гумеров, Гусева, 2018) был сформулирован так называемый «парадокс импортозамещения»: при сложившихся объемах поставок производственных ресурсов для сельского хозяйства (семена, племенной материал, СХЗР, кормовые премиксы) импортозамещение в части сельскохозяйственной продукции при прочих равных условиях будет сопровождаться ростом вторичной зависимости по ресурсам; на эту особенность обращают внимание и другие отечественные исследователи (Потапов, 2019). Под ростом вторичной зависимости понимается ситуация, когда наращивание внутренних объемов конечной продукции критически опирается на растущий в соответствующей пропорции импорт материально-технических ресурсов первого уровня (генетический материал, инкубационные яйца, ветеринарные препараты, премиксы и семенной материал), что при внешних шоках создает скрытые уязвимости для всей продовольственной системы.

В обновленную редакцию Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации 2020 года наряду с пороговыми значениями самообеспеченности по основным видам сельскохозяйственной продукции и продовольствия включен показатель обеспеченности семенами отечественной селекции основных сельскохозяйственных культур на уровне не менее 75%. Здесь тоже важно не попасть в ловушку «средних значений»: при высоких показателях самообеспеченности семенами пшеницы, риса, ячменя прямо-таки катастрофической выглядит обеспеченность семенами отечественной селекции таких культур, как картофель и сахарная свекла — на уровне 10 и 2% соответственно (2024 год)¹⁹. В целом процесс импортозамещения выстроен и отрегулирован. Распоряжением Правительства РФ от 23 декабря 2022 г. № 4133-р утвержден план-график увеличения доли семян отечественной селекции в разрезе основных сельскохозяйственных культур, в рамках Госпрограммы развития сельского хозяйства выплачиваются субсидии на приобретение элитных семян отечественной селекции производителям зерновых и подсол-

нечника, для производителей овощей из элитных семян отечественной селекции предусматриваются повышающие коэффициенты субсидирования. Параллельно снижаются квоты на импорт картофеля, пивоваренного ячменя, гибридных семян сахарной свеклы. Важно контролировать целевые показатели Доктрины, а также распространить политику импортозамещения на другие производственные ресурсы сельского хозяйства в рамках Федеральной научно-технической программы развития сельского хозяйства (ФНТП) на 2017–2030 гг.

Индекс цен на продовольственные товары (уровень агфляции) является информативным индикатором стабильности продовольственной системы «первого уровня». Как показал опыт мирового продовольственного кризиса 2007–2008 гг., в основе роста продовольственных цен может лежать целый комплекс факторов разнообразной природы: климатические изменения и погодные колебания, политические решения, рост населения и изменения модели потребления, дефицит производственных ресурсов. В последние годы существенно возрастают риски военно-политических конфликтов и связанных с ними логистических проблем. Детальный анализ природы, триггеров и макроэкономических последствий подобных ценовых скачков на отечественном продовольственном рынке подробно исследован автором в специальной работе (Гумеров, 2021).

На основе представленного графика (рис. 6) можно выделить три ключевых этапа динамики агфляции в Российской Федерации на отрезке 2019–2025 гг.

1. Период опережающего роста (2019–2021 гг.). Начало пандемии COVID-19 и сбои в глобальных логистических цепочках привели к резкому скачку цен на продовольствие (Гумеров, 2021). Оранжевая линия стремительно уходит вверх, достигая пика в 2021 году (около 112,5%). В это время общая инфляция (синяя область) росла гораздо медленнее, что привело к сильному разрыву («ножницам цен») в пользу агфляции, которая создавала избыточное экономическое давление на наименее защищенные слои населения.

¹⁹ Итоги года в селекции и семеноводстве — 2024. URL: <https://поле.пф/journal/publication/itogi-goda-v-selekcii-i-semenovodstve-2024> (дата обращения: 05.07.2026).

2. Эффект догоняющей инфляции (2022 год). В 2022 году тренд временно развернулся. Продовольственные цены стабилизировались и даже немного пошли вниз, в то время как общий индекс потребительских цен (синяя область) достиг своего пика (около 111,8%). Это объясняется тем, что виток агфляции прошлых лет перекинулся на остальные сектора экономики (выросли цены на топливо, услуги, непродовольственные товары) и общая инфляция «догнала» продовольственную (ножницы «сомкнулись»).

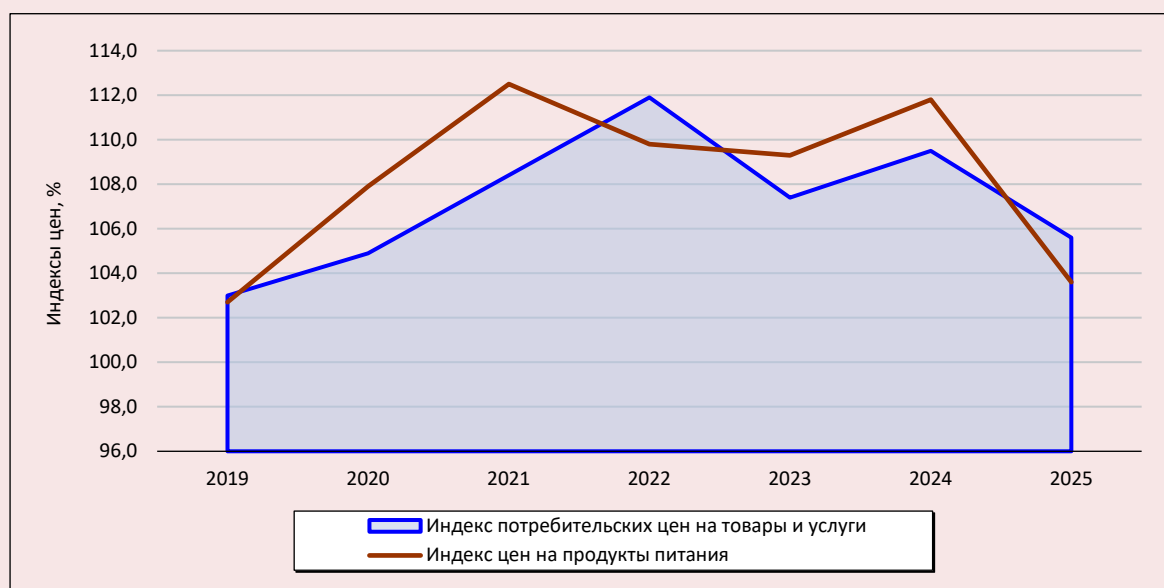
3. Вторая волна агфляции (2023–2024 гг.). После кратковременного спада в 2023 году оранжевая линия продовольственных цен снова резко устремилась вверх, сформировав второй пик в 2024 году (около 111,8%). Синяя область общей инфляции при этом находилась ниже. Это подтверждает, что хронические структурные дисбалансы продовольственного рынка регулярно обостряются под влиянием внешних шоков.

В 2025 году наблюдалось синхронное замедление обоих показателей, однако индекс цен на продукты питания падал быстрее общей инфляции. Сейчас мы не можем сказать, насколько устойчивой является такая динамика и пере-

растет ли она в тенденцию; это покажут последующие наблюдения.

Очевидный комплексный характер аграрной инфляции, зарождающейся на стыке макроэкономических, монетарных, транспортных и фитосанитарных триггеров, требует интеграции межведомственных аналитических компетенций путем создания специального института, например Межведомственного координационного совета или Ситуационного центра по продовольственным рынкам при Правительстве РФ. Основными функциями данного центра в контексте предложенной системы индикаторов должны стать: 1) консолидация и сквозной мониторинг ведомственных информационных потоков для формирования единой базы данных о состоянии продовольственного рынка; 2) разработка краткосрочных оперативных балансов спроса и предложения по критически важным группам продовольствия, позволяющих выявлять латентные дисбалансы до их проявления в розничном ценовом контуре; 3) сценарное моделирование рисков агфляции и вторичной технологической зависимости АПК для оперативного принятия мер тарифно-таможенного и монетарного регулирования.

Рис. 6. Индексы потребительских цен

Источник: данные Росстата.

Заключение

В соответствии с поставленной целью исследования (разработка компактной модели оперативной диагностики рисков продовольственной безопасности на основе полярного межгруппового анализа) получены следующие основные результаты, зеркально отражающие решение ключевых задач.

1. В части синхронизации с международными подходами: обоснован переход от валовых показателей к четырехкомпонентной рамке ФАО, что позволило выявить латентные угрозы, маскируемые средними показателями национальной доктрины.

2. В части преодоления «ловушки средних»: на основе авторского децильного коэффициента расходов на питание (K_{rp}) эмпирически доказана критическая глубина социально-

ально-экономической дифференциации, где инфляционное сжатие рационов наименее обеспеченных групп происходит на фоне стабильных средних показателей.

3. В части технологического контура и стабильности: разработана и верифицирована двухступенчатая модель «матрешки» (в статике и циклической модификации), а также аргументирована необходимость создания Ситуационного центра при Правительстве РФ для сценарного моделирования агфляционных шоков сопутствующих функций.

Разработанный методологический подход обладает концептуальной завершенностью и смещает фокус мониторинга с констатации свершившихся кризисов на превентивное управление скрытыми рисками.

Литература

- Белугин А.Ю. (2019). Эволюция понятия «продовольственная безопасность»: история, этапы, современное понимание // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. Т. 11. № 2 (32). С. 122–143.
- Болотнова О.И. (2025). Эволюция понятия «продовольственная безопасность»: история, этапы, современное понимание // Актуальные вопросы современной экономики. № 3. С. 82–91.
- Гумеров Р.Р. (2021). Невыученные уроки ценовых скачков на продовольственном рынке // Российский экономический журнал. № 3. С. 25–45. DOI: 10.33983/0130-9757-2021-3-25-45
- Гумеров Р.Р., Гусева Н.В. (2018). Об эффектах и парадоксах импортозамещения в контексте национальной продовольственной безопасности // ЭКО. № 2. С. 90–102. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-2-90-102
- Гумеров Р.Р. (2013). Обеспечение национальной продовольственной безопасности: как расставить приоритеты // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Т. 6. № 1. С. 6–17.
- Киреева Н.А., Прущак О.В., Грандонян К.А., Миронов М.Г. (2022). Продовольственная безопасность России: новые вызовы и пути достижения // Инновационная деятельность. № 2 (61). С. 15–26.
- Ксенофонтов М.Ю., Ползиков Д.А., Гольденберг И.А., Ситников П.В. (2018). Методологические проблемы формирования продовольственной безопасности в России // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 127–135.
- Паппэ Я.Ш., Антоненко Н.С., Ползиков Д.А. (2017). Продовольственная безопасность России: современный подход // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 62–74.
- Потапов А.П. (2019). Обеспечение ресурсной независимости аграрного производства в контексте продовольственной безопасности России // Проблемы прогнозирования. № 5. С. 120–129.
- Россинская Г.М., Ишмухаметов Н.С., Ибрагимова З.Ф. (2022). Таргетирование продовольственной безопасности: многоуровневый подход // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 11-3. С. 502–508. DOI: 10.17513/vaael.2597
- Щетинина И.В. (2024). Достигла ли Россия продовольственной безопасности? // ЭКО. № 6. С. 258–280. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-6-258-280
- Яшкова Н.В. (2020). Методика оценки физической доступности продовольствия // Фундаментальные исследования. № 8. С. 92–96. DOI: 10.17513/fr.42833
- Biswas A., Sarkar S., Chakraborty R. et al. (2024). An introduction to food security: Basic concepts, present scenarios, and government initiatives. In: *Advances in Agricultural Economics & Statistics Insights*. New Delhi. Kolkata.

- Clapp J., Moseley W.G., Burlingame B., Termine P. (2022). Viewpoint: The case for a six-dimensional food security framework. *Food Policy*, 106. DOI: 10.1016/j.foodpol.2021.102164
- El Bilali H., Callenius C., Strassner C., Probst L. (2018). Food and nutrition security and sustainability transitions in food systems. *Food and Energy Security*. DOI: 10.1002/fes3.154
- Gale F., Dong F. (2023). *China's Meat Consumption: Growth Potential (Report No. ERR-320)*. U.S. Department of Agriculture, Economic Research Service. Available at: <https://doi.org/10.32747/2023.8122125.ers> (accessed: 30.07.2026).
- Kinnunen P. et al. (2020). Local food crop production can fulfil demand for less than one-third of the population. *Nature Food*, 1, 229–237. DOI: 10.1038/s43016-020-0060-7
- Pradhan P., Lüdeke M.K.B., Reusser D.E., Kropp J.P. (2014). Food self-sufficiency across scales: How local can we go? *Environmental Science & Technology*, 48(16), 9463–9470. DOI: 10.1021/es5005939
- Stehl J., Vonderschmidt A., Vollmer S. et al. (2025). Gap between national food production and food-based dietary guidance highlights lack of national self-sufficiency. *Nature Food*, 6, 571–576. DOI: 10.1038/s43016-025-01173-4
- Sun Z., Zhan Y., Liu L., Ye Q., Zhang Q. (2024). China's dietary transition and its impact on cropland demand for sustainable agriculture. *Sustainable Production and Consumption*, 49, 61–71. DOI: 10.1016/j.spc.2024.06.018
- Zhu Z. (2026). Trends and current situation of China's meat sector. *Animal Research & One Health*, 3(1). DOI: 10.1002/aro2.70055

Сведения об авторе

Рустам Раулевич Гумеров — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации (Российская Федерация, 119285, г. Москва, Воробьевское шоссе, д. 6А; e-mail: gumerovrr@mail.ru)

Gumerov R.R.

Methodological Problems in Assessing Russia's Food Security: Overcoming the “Average Metrics Trap” and Diagnosing Vulnerabilities

Abstract. The article focuses on the theoretical substantiation and verification of an optimized system of national food security indicators for the Russian Federation under escalating geo-economic and logistical risks. The aim of the study is to overcome the methodological bottlenecks of redundant regulatory lists of assessment indicators by constructing a concise analytical model for risk express-diagnostics. As a theoretical framework, the author developed a cyclical model of food security (the “matryoshka”) that describes the continuous transformation of the supply structure under the influence of changing consumption patterns. The empirical basis of the study comprises a statistical analysis of Rosstat data across population decile groups for the 2020–2024 period, applying Engel's law and the decile expenditure ratio. Deep structural imbalances have been revealed between the macro-level of national self-sufficiency and the micro-level of economic food accessibility. It is proved that forced spending of more than 50% of the budget on food by the first decile group leads to a paradoxical qualitative deterioration of the diet due to the transition to cheap, high-calorie substitutes. A matrix grouping of the population by welfare level based on the share of food expenditures was developed and tested. It captured the polarization of society: the transition of the 10th group into the “wealthy society” category while the 1st group stagnates in the low-level zone. The critical role of agflation as a cross-cutting factor accelerating general inflation is substantiated. The necessity of establishing a Situational Analytical Center for Agflation Monitoring under the Government of the Russian Federation for preventive interagency modeling of commodity balances (Ministry of Agriculture, Federal Customs Service, Federal Antimonopoly Service, Bank of Russia) is demonstrated. The transition to a compact system of 3–5 key indicators for each dimension of food security (availability, accessibility, utilization, stability) will reduce the burden on state statistics bodies

and overcome regulatory overload. The proposed optimized list of indicators ensures high responsiveness and precision of managerial decisions which is critically necessary for protecting the technological and financial sovereignty of the state.

Key words: food security, agflation, economic accessibility, decile groups, Engel's law, average metrics trap, standard of living, import substitution Situational Center.

Information about the Author

Rustam R. Gumerov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (6A, Vorobyevskoe Shosse, Moscow, 119285, Russian Federation; e-mail: gumerovrr@mail.ru)

Статья поступила 08.07.2026.